

БОРИС КРИГЕР

ИНСТИНКТ ВЕЧНОГО БЕГСТВА

БОРИС КРИГЕР

ИНСТИНКТ
ВЕЧНОГО
БЕГСТВА

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Инстинкт вечного бегства

Книга исследует фундаментальный конфликт между инстинктом самосохранения и человеческим стремлением к самопознанию и свободе. Автор поднимает вопрос, что произойдет, если этот древний эволюционный механизм, защищающий нас от опасностей, исчезнет. В гипотетическом мире, лишенном инстинкта самосохранения, люди теряют способность бояться смерти, что приводит к хаосу и массовому самоуничтожению, но также открывает новую степень свободы, ранее недоступную. Это ведет к парадоксальному выводу: инстинкт, который должен нас защищать, может одновременно быть тюрьмой, лишаящей нас истинной смелости и открытости к жизни.

Однако книга идет дальше, показывая, как в цифровую эпоху виртуальные миры создают симуляцию жизни без последствий и риска. Здесь человек привыкает игнорировать опасность, потому что знает, что может всегда «перезагрузиться». Влияние этих миров на наше сознание начинает размывать границы между виртуальной и реальной опасностью, что в свою очередь снижает нашу восприимчивость к рискам в действительности. Автор ставит перед читателем философский вопрос: можно ли освободиться от страхов, навязанных инстинктами, и стоит ли вообще стремиться к этому освобождению, если цена — потеря самого стремления к жизни?

ИНСТИНКТ ВЕЧНОГО БЕГСТВА

Представьте, что человечество внезапно и полностью утратило инстинкт самосохранения. Этот базовый механизм, который миллионы лет эволюции обеспечивал нам выживание, исчез. Мир в одно мгновение стал бы совершенно другим.

Мы утратили бы осторожность и страх перед опасностями. Люди принялись бы гулять по оживленным дорогам, не обращая внимания на мчащиеся автомобили, и работать на строительных площадках без страховочных тросов. Кому-то пришло бы в голову проверить, что будет, если прыгнуть с высотного здания, кто-то бы начал играть с огнём или радиоактивными материалами, как с игрушками. Вдруг исчезло бы осознание риска для жизни.

Этот мир был бы наполнен трагедиями и абсурдными ситуациями. Возможно, массовые катастрофы стали бы обычным делом, ведь никто больше не заботился бы о своей безопасности. Войны и преступления стали бы ещё более жестокими, ведь страх смерти больше не сдерживал бы людей. Гибель стала бы просто случайностью, такой же обыденной, как смена погоды.

В таком мире остались бы лишь те, чья жизнь продлевается благодаря автоматизмам и привычкам. Представьте себе человека, который всю жизнь соблюдал диету и режим, занимался спортом не ради здоровья, а просто по привычке. Эти привычки могли бы сохранять людей в относительно хорошем состоянии, несмотря на исчезновение инстинкта самосохранения.

Однако в более широком смысле общество бы перестало функционировать. Медицинская система обрушилась бы, ведь никто больше не стремился бы лечиться. Страх болезни исчез бы, и, возможно, люди просто перестали бы обращать внимание на симптомы и умирали без сопротивления. Даже самые продвинутые технологии, такие как искусственный интеллект и автоматизация, не смогли бы компенсировать хаос, возникший из-за отсутствия элементарной самозащиты у людей.

С другой стороны, это привело бы к неожиданным последствиям в области творчества и философии. Возможно, художники и писатели, освободившись от страха смерти, могли бы творить с невиданной ранее свободой и смелостью. Философы, размышляющие о смысле жизни, внезапно оказались бы в мире, где этот смысл стал бы еще более эфемерным, ведь без инстинкта самосохранения сама жизнь потеряла бы свои рамки.

И в этом новом мире возникла бы уникальная форма культуры, где больше нет страха перед неизбежным концом, но и нет стремления к продолжению жизни.

Однако, такой мир неизбежно вымер бы, причём очень быстро.

Мир без инстинкта самосохранения стал бы эпитафией цивилизации. Мы потеряли бы не только наши технологии и достижения, но и саму суть того, что делает нас людьми — способность стремиться к жизни, бороться за выживание и искать смысл в продолжении существования.

Но ведь именно так и происходит в виртуальной реальности. Когда человек погружается в компьютерную игру, особенно в те, где есть

возможность перезагрузки и возрождения, он практически теряет инстинкт самосохранения. В игре смерть — это не финал, а лишь временное препятствие, и человек привыкает к тому, что последствия его действий не имеют настоящей цены. Это создаёт совершенно иной опыт, где риск утрачивает свою реальность.

Но эта утрата инстинкта самосохранения в виртуальной среде происходит только в пределах игры и обусловлена её правилами. Игрок знает, что его физическая жизнь в реальном мире не подвергается опасности, что позволяет ему действовать без оглядки на последствия. Это порождает феномен «виртуальной смелости», где люди совершают поступки, на которые никогда не решились бы в реальной жизни.

Тем не менее, этот опыт, как ни парадоксально, влияет на наше сознание и отношение к реальности. Постоянное пребывание в виртуальных мирах притупляет инстинкты и меняет восприятие опасности. Исследования показывают, что у многих заядлых геймеров порог страха и восприятие риска изменяются. Это может привести к тому, что они будут более беспечны и в реальной жизни, недооценивая реальные угрозы. Конечно, это не полная утрата инстинкта самосохранения, как в гипотетической ситуации, описанной ранее, но его ослабление.

Более того, виртуальная реальность создаёт иллюзию бессмертия. Люди привыкают к тому, что любое действие можно отменить, любую ошибку можно исправить с помощью «рестарта». Это может формировать более легкомысленное отношение к жизни и её хрупкости. В реальной жизни у нас нет кнопки

«перезагрузки», но привыкнув к её наличию в играх, человек может начать вести себя так, как будто и в реальности всегда есть второй шанс.

Здесь и скрыта опасность: если наше сознание привыкнет к виртуальным моделям поведения¹, где инстинкт самосохранения ослаблен, это может повлиять на наше поведение в повседневной жизни. Это не приведёт к массовому вымиранию, как в фантастическом сценарии, но может сделать людей менее осторожными, что, в свою очередь, может повлиять на количество несчастных случаев, рискованных поступков и даже социальные нормы.

Очевидно, виртуальные миры действительно дают нам своего рода тренажёр для существования без инстинкта самосохранения, но делают это в безопасных условиях. Вопрос в том, насколько этот опыт влияет на нас, когда мы возвращаемся в реальность, где каждый риск имеет реальные последствия.

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей "A World Without the Instinct for Self-Preservation: The Impact of Virtual Realities on Human Consciousness and Behavior" («Мир без инстинкта самосохранения: влияние виртуальных реальностей на человеческое сознание и поведение»), опубликованной в The Common Sense World.²

Инстинкт самосохранения — древний механизм, заложенный в основе человеческой психики, который изначально служил для выживания в условиях дикой

¹ Anderson, C. A., & Dill, K. E. (2020). Video Games and Aggressive Thoughts, Feelings, and Behavior. *Psychological Science*.

² Kriger, B. (2024). A world without the instinct for self-preservation: The impact of virtual realities on human consciousness and behavior. *The Common Sense World*.

природы. В современном мире он часто выступает рудиментом, мешая человеку принимать осознанные решения, когда реальной угрозы для жизни уже нет.

Самосохранение не просто направляет нас к избеганию опасности, но и формирует наши повседневные страхи и тревоги, что нередко лишает нас свободы выбора, принуждая подчиняться этим древним импульсам.

Человек обречён на вечное бегство не только от реальных, но и мнимых опасностей, поскольку инстинкт самосохранения продолжает диктовать нам, что даже минимальная угроза требует немедленной реакции.

В условиях информационного общества инстинкт самосохранения обостряется: новости, социальные сети и реклама усиливают чувство тревоги, превращая каждую мелочь в потенциальную угрозу.

Самосохранение ограничивает нас в свободе действий и самовыражения, так как страх сделать ошибку или подвергнуть себя риску может сдерживать наши творческие и смелые решения.

Противоречие между Танатосом (влечением к смерти) и инстинктом самосохранения представляет собой сложный философско-психологический вопрос. Эти два начала, кажется, одновременно присутствуют в каждом человеке, порождая внутренний конфликт между стремлением к жизни и влечением к смерти.

Инстинкт самосохранения — это базовый эволюционный механизм, направленный на выживание индивида и продолжение рода. Он мотивирует нас избегать опасностей, защищаться, искать пищу и убежище, заботиться о потомстве. Этот инстинкт — основа нашего существования, заложенная в нас

миллионами лет эволюции.

Танатос, напротив, был предложен Зигмундом Фрейдом как противоположность Эросу — стремлению к жизни, любви и созиданию. По его мнению, в глубине нашей психики есть импульс к самоуничтожению, разложению, возвращению к неорганическому состоянию, из которого когда-то зародилась жизнь. Это влечение проявляется в деструктивных тенденциях, саморазрушении, агрессии и стремлении к риску.

Противоречие между этими двумя силами можно увидеть в нашем повседневном поведении. С одной стороны, человек старается сохранять свою жизнь, заботиться о себе, избегать опасностей. Но с другой стороны, нас привлекают рискованные ситуации, экстремальные виды спорта, опасные увлечения и даже пагубные привычки. Люди могут сознательно выбирать действия, которые разрушают их здоровье: курение, употребление наркотиками, склонность к излишнему употреблению алкоголя, участие в опасных авантюрах. Если всё это поведение осознанно, то его можно трактовать как проявление Танатоса — желание разрушить себя, погрузиться в состояние хаоса.

Стремление к смерти может быть отражением не столько желания прекратить само существование, сколько усталости от постоянного страха смерти, осознания её неизбежности и безысходности. Это может быть своего рода попыткой обрести свободу от непрекращающегося напряжения и страха перед тем, что нельзя контролировать и изменить.

Человеку, особенно осознающему конечность своей жизни, свойственно испытывать экзистенциальное напряжение. Мы знаем, что смерть неизбежна, но не

знаем, когда и как она придёт. Это знание порождает тревогу и чувство безысходности. Постоянная тень смерти может превратиться в тяжёлый груз, который человек несёт на протяжении всей своей жизни. Парадоксально, но именно стремление к смерти может стать способом избавиться от этого гнёта.

Усталость от страха и страдания может толкать человека к принятию смерти как формы освобождения. Это не всегда сознательное решение; скорее, это проявление внутренней усталости от постоянной борьбы за жизнь, которая, в конечном счёте, всё равно закончится смертью. В этом контексте стремление к смерти может быть не отказом от жизни как таковой, а попыткой прекратить внутренние мучения.

Для многих людей сама мысль о неизбежности смерти становится источником экзистенциального страдания. Ведь понимание того, что всё, к чему мы стремимся, всё, что мы строим и создаём, однажды исчезнет, может вызывать глубокое чувство бессмысленности. В моменты отчаяния человек может прийти к выводу, что проще отказаться от борьбы и прекратить это постоянное противостояние со временем и неизбежностью.

Кроме того, боль и страдания, физические или душевные, часто ведут к ощущению безысходности. Когда жизнь превращается в непрекращающийся цикл боли, человек может утратить всякую надежду на улучшение. В такой ситуации смерть воспринимается не как враг, а как избавление, как долгожданное завершение мучений. Это своеобразное влечение к умозрительному покою, к состоянию, где больше не будет страха, боли и тревоги.

Для некоторых людей стремление к смерти — это

попытка взять под контроль то, что кажется неконтролируемым. Если смерть всё равно неизбежна, то хотя бы выбор момента и способа её наступления может стать актом власти над собственной судьбой. Это своего рода бунт против абсурдности существования, где человек говорит: "Если я не могу избежать смерти, то хотя бы выберу её сам".

А посему, стремление к смерти действительно может быть не столько желанием уничтожить себя, сколько выражением глубокого, мучительного внутреннего конфликта, возникающего между страхом перед смертью и стремлением освободиться от него.

Интересно, что иногда эти две противоположные силы могут сосуществовать и даже дополнять друг друга. Например, стремление к риску может быть способом испытать границы своих возможностей и тем самым утвердить своё существование. В экстремальных ситуациях, когда человек сталкивается с реальной угрозой жизни, он может почувствовать себя более живым, чем когда-либо. Это парадокс: риск позволяет нам одновременно ощутить вкус жизни и приблизиться к грани смерти.

Такое противоречие можно объяснить тем, что человек — существо не только биологическое, но и социальное, культурное и духовное. Мы живём не только ради выживания, но и ради поиска смысла. Танатос в этом контексте может быть стремлением преодолеть физические границы, отказаться от земного существования ради чего-то более великого — будь то религиозная вера, жертва ради идеи или поиск трансцендентного.

Возможно, это противоречие — не что иное, как

отражение нашей двойственной природы. Мы одновременно животные, движимые инстинктами, и существа, способные к саморефлексии, к осознанию конечности своего существования. Танатос и инстинкт самосохранения — это две стороны одной тусклой медали, благодаря которым мы можем балансировать между жадой жизни и тягой к её завершению.

Вечный гамлетовский вопрос — «быть или не быть» — решается «быть» инстинктом самосохранения автоматически, подавляя любые размышления о смысле жизни и возможности отказаться от борьбы за выживание.

Страх смерти является одним из наиболее значимых проявлений инстинкта самосохранения, что заставляет человека цепляться за жизнь любой ценой, даже когда её качество оставляет желать лучшего.

Если рассматривать инстинкт самосохранения как форму насилия над свободой выбора, он становится внутренним тюремщиком, лишаящим нас возможности спокойно и осознанно выбрать свой путь.

Природа инстинкта такова, что он не различает истинные и мнимые угрозы, и эта неспособность к различению нередко заставляет нас избегать того, что могло бы быть полезным или важным для нашего развития.

Животные, не обладая нашей степенью самосознания, принимают смерть практически бессознательно, тогда как человек испытывает мучительный ужас перед её неизбежностью, именно благодаря своему инстинкту самосохранения, многократно усиленному осознанием.

Парадоксально, но, возможно, избавление от страха

смерти сделало бы людей более свободными и способными к глубокому переживанию жизни, однако инстинкт самосохранения не даёт нам этого осознать.

Человек вынужден находить компромиссы между желанием жить полной жизнью и постоянно действующим инстинктом самосохранения, что часто ведёт к внутренним конфликтам и противоречиям.

На уровне общества инстинкт самосохранения проявляется в виде массовой паники и агрессивных мер предосторожности, как это было видно во время пандемий и других кризисов.

Многие из наших социальных и политических структур построены на эксплуатации страха и инстинкта самосохранения, усиливая и превращая его в инструмент контроля.

Разумеется, несмотря на разрушительное влияние, инстинкт самосохранения остаётся необходимым, особенно в экстремальных ситуациях, когда он позволяет мгновенно реагировать на угрозы, спасая жизнь.

На первый взгляд, может показаться парадоксальным механизм, при котором инстинкт самосохранения становится источником героизма и самопожертвования, но на самом деле он имеет глубокие корни в нашей психологии и биологии.

Прежде всего, инстинкт самосохранения — это не просто узко направленное стремление сохранить жизнь отдельного индивида. В процессе эволюции этот инстинкт расширился до сохранения не только себя, но и других — членов своей семьи, социальной группы или даже общества в целом. Для человека, как для

социального существа, выживание напрямую связано с выживанием тех, кто его окружает.

Когда человек видит угрозу, его инстинкт самосохранения может включать защиту близких и значимых для него людей. В такие моменты он воспринимает их безопасность как продолжение собственной безопасности. Это расширенное понимание инстинкта приводит к тому, что в экстремальных ситуациях человек может рисковать собственной жизнью ради спасения других.

Когда возникает серьёзная угроза (например, пожар, наводнение или опасная ситуация на дороге), в теле происходит резкий выброс адреналина и других стрессовых гормонов. Эти гормоны активируют симпатическую нервную систему, заставляя человека действовать быстро и решительно. В такие моменты умственное восприятие страха и боли притупляется, что позволяет человеку совершать действия, на которые он в обычных условиях не был бы способен.

Парадокс заключается в том, что при сильном стрессе инстинкт самосохранения может трансформироваться: человек перестаёт думать о своей безопасности и вместо этого сосредотачивается на спасении других. Это связано с тем, что в момент кризиса мозг переключается с индивидуального самосохранения на защиту группы, воспринимая её безопасность как приоритетную.

Героизм и самопожертвование могут быть объяснены с точки зрения эволюции. Человеческие сообщества выжили именно потому, что в критических ситуациях люди были готовы рисковать собой ради других. Это позволило сохранить целостность группы, увеличивая шансы на выживание и продолжение рода. Те, кто был

склонен к самопожертвованию ради защиты близких, передавали свои гены следующим поколениям, что способствовало закреплению таких моделей поведения.

Этот альтруизм особенно проявляется в ситуациях, когда на кону стоят жизни детей, родственников или членов той группы, к которой человек чувствует принадлежность. Самопожертвование в таких случаях, с точки зрения эволюции, может восприниматься как более важное для продолжения рода, чем сохранение собственной жизни.

Существует ещё и психологический механизм, который включает понятие смысла жизни. Для многих людей осознание того, что они могут спасти кого-то, придаёт их существованию глубокий смысл. В экстремальных ситуациях это чувство смысла может преодолеть инстинктивный страх за собственную жизнь.

Более того, сам факт совершения героического поступка способен вызвать сильное чувство удовлетворения, которое идёт вразрез с инстинктом избегания опасности. Мозг награждает человека выбросом дофамина и окситоцина, когда он совершает бескорыстные поступки, направленные на помощь другим. Это может объяснить, почему люди иногда готовы жертвовать собой ради других: они чувствуют, что их жизнь становится значимой, когда они спасают или защищают других.

Парадоксально, но инстинкт самосохранения в своём самом широком смысле включает в себя стремление сохранить ценности и принципы, которые для человека важнее его собственной жизни. Для некоторых людей их моральные убеждения и привязанности настолько важны, что их утрата равносильна смерти. В таких

случаях самопожертвование становится формой защиты более высокого порядка: человек спасает то, что считает более ценным, чем свою физическую жизнь.³

Очевидно, инстинкт самосохранения на уровне индивидуума может расширяться до защиты других людей, группы или даже идей и ценностей, ради которых человек готов пожертвовать собой. В моменты кризиса, когда человек сталкивается с необходимостью выбора между собственной безопасностью и спасением других, этот расширенный инстинкт может привести его к героизму и самопожертвованию, даже если это кажется парадоксальным на первый взгляд.

Отказ от инстинкта самосохранения возможен лишь в состоянии глубокого духовного прозрения или отчаяния, когда человек осознаёт бессмысленность страха смерти и готов принять её как неизбежность.

Это два противоположных, но при этом взаимосвязанных пути, которые приводят к одному и тому же результату — готовности отказаться от базового импульса к выживанию.

Первый путь связан с духовным прозрением и принятием смерти как естественной и неизбежной части существования. Люди, достигшие определённого уровня духовного развития, могут полностью изменить своё восприятие жизни и смерти. Они перестают видеть в смерти врага, которого нужно бояться, и начинают воспринимать её как часть более великого цикла, как переход к чему-то иному, что находится за пределами физического бытия. В таком состоянии страх перед

³ Kriger, B. (2024). Understanding the evolutionary mechanisms that transform survival instinct into altruistic acts: The paradox of self-preservation: The psychological and biological roots of heroism and self-sacrifice. *Global Science News*.

смертью исчезает, и человек больше не ощущает нужды защищать свою физическую оболочку. Это может происходить у монахов, отшельников или мистиков, которые медитируют на природе бытия и приходят к пониманию, что их истинное "я" не ограничивается телом. Такое глубокое духовное осознание даёт ощущение свободы от страха смерти и даже от инстинкта самосохранения. Человек готов пожертвовать собой ради высших целей, таких как духовное просветление или помощь другим, потому что его жизнь больше не является высшей ценностью; её место занимают более глубокие смыслы и ценности.

Второй путь — состояние отчаяния и экзистенциальной усталости. В этом случае отказ от инстинкта самосохранения происходит не из-за возвышенного понимания жизни, а из-за крайнего страдания и утраты смысла. Когда человек сталкивается с непрекращающейся болью — физической или эмоциональной — и теряет надежду на улучшение, его психика может просто устать от постоянной борьбы за выживание. Это часто происходит у людей, которые страдают от тяжёлых заболеваний или длительных депрессий, где боль и страдания становятся настолько всепоглощающими, что жизнь воспринимается как бесконечная мука без просвета. В таких случаях смерть начинает казаться не врагом, а освобождением от мучений. Утрата инстинкта самосохранения здесь — это не выбор в пользу какого-то высшего смысла, а скорее результат полного истощения внутренних ресурсов, когда стремление к избавлению от боли перевешивает инстинкт продолжения жизни.

Однако, инстинкт самосохранения глубоко встроен в

нашу биологию и психику как автоматизированный, неконтролируемый механизм. Он не требует осознанных усилий, он работает на уровне рефлексов, поддерживая нас в жизни даже в тех ситуациях, когда сознание может быть готово всё отпустить. Даже когда человек решает сознательно отказаться от жизни, его тело и базовые инстинкты будут продолжать бороться за выживание. Именно поэтому суицид так часто оказывается неудачным: когда дело доходит до реального воплощения намерения, организм интуитивно активирует все ресурсы, чтобы выжить.

Инстинкт самосохранения — это не просто желание жить; это реакция, встроенная на уровне биологии, на уровне рефлексов и древнейших отделов мозга. Даже если человек испытывает отчаяние или достигает состояния духовного прозрения, которое позволяет ему принять смерть, его тело будет продолжать действовать, как если бы оно стремилось выжить. Например, если человек попытается утопиться, он инстинктивно будет бороться за воздух, когда вода начнёт заполнять его лёгкие. Если он решит прыгнуть с высоты, он может обнаружить, что в последний момент его руки интуитивно хватаются за выступ или край. Это происходит автоматически, вне зависимости от его намерений.

Этот механизм объясняется тем, что инстинкт самосохранения заложен в самых древних частях мозга — в лимбической системе и стволе мозга. Эти отделы регулируют основные функции, необходимые для выживания: дыхание, сердцебиение, реакцию на опасность. Они работают автономно, независимо от нашего сознания и воли. Поэтому, даже если человек на

рациональном уровне примирился с мыслью о смерти и сознательно решился на уход из жизни, его тело продолжает бороться.

Именно поэтому отказ от инстинкта самосохранения возможен лишь в крайних случаях, когда либо физическая усталость, либо психологическое состояние достигают такой точки, что внутренние механизмы просто "ломаются". Но это скорее исключение, чем правило. В большинстве ситуаций даже в состоянии отчаяния или глубокого духовного прозрения человек на каком-то глубинном уровне продолжает хвататься за жизнь, цепляясь за последнюю соломинку.

Интересно, что даже те, кто находится в состоянии полного экзистенциального отчаяния, иногда всё равно продолжают жить, как бы по инерции. Это может объясняться не столько силой воли, сколько работой тех самых автоматических механизмов. В глубине души человек может ощущать бессмысленность, но его тело — его древний мозг и рефлексy — всё равно будут бороться за выживание, даже если сознание уже сдалось.

Современная психотерапия часто сталкивается с необходимостью корректировать чрезмерно активный инстинкт самосохранения у людей, страдающих тревожными расстройствами и фобиями.

Возможно, в будущем развитие технологий и науки позволит человеку ослабить или даже отключить чрезмерный инстинкт самосохранения, но это вызовет новые этические вопросы о праве на самоопределение и осознанный выбор.

Инстинкт самосохранения — это своего рода вирус, передающийся из поколения в поколение и

поддерживающий человечество в состоянии постоянного страха? Возможно, он не является естественным аспектом человеческой природы, а был «заражен» в какой-то точке эволюции как механизм контроля и стабилизации популяции.

Если бы человек мог осознанно отказаться от гипертрофированного инстинкта самосохранения, то достиг бы состояния абсолютной свободы и независимости. Представьте себе общество, где люди живут без страха смерти и готовы действовать, исходя из глубоких убеждений, а не из инстинктивного страха. Это открыло бы новые горизонты для самореализации и творческого прорыва.

Можно рассматривать гипертрофированный инстинкт самосохранения как форму внутреннего рабства, которая удерживает нас в повседневной рутине и заставляет избегать рисков. Ведь что, если бы мы могли освободиться от этого контроля, приняв осознанное решение жить на полную катушку, даже если это сократит жизнь? Возможно, настоящая свобода начинается там, где заканчивается инстинкт самосохранения.

Возможно, гипертрофированный инстинкт самосохранения — это устаревший эволюционный механизм, который уже не актуален для современного человека. В условиях, когда технологии и виртуализация общества обеспечивают достаточный уровень безопасности, он только мешает развитию и проявлению истинного потенциала личности. В будущем гипертрофированный инстинкт самосохранения может стать «бременем прошлого», подобно аппендиксу или зубам мудрости.

Стремление к самосохранению можно интерпретировать как подсознательную попытку человека отрицать конечность существования. Возможно, отказ от этого инстинкта — это шаг к истинному пониманию жизни и принятие своей смертности как неизбежной данности. Только тот, кто научился жить без страха смерти, действительно живёт.

Чем сильнее общество сосредотачивается на безопасности и самосохранении, тем более хрупким оно становится. Постоянные меры предосторожности и защита от малейших угроз только увеличивают уязвимость, создавая иллюзию контроля над непредсказуемым миром и парадоксально ведя к катастрофическим последствиям, когда реальная угроза всё же наступает.

Что, если бы в будущем изобрели технологию, позволяющую людям осознанно подавлять гипертрофированный инстинкт самосохранения? Возможно, это привело бы к появлению нового класса людей — тех, кто готов на любые эксперименты, экстремальные опыты и самопожертвования ради великой идеи. Это может породить радикально новое общество, где страх смерти больше не ограничивает действия человека.

Что, если гипертрофированный инстинкт самосохранения является главным тормозом на пути к познанию истинной природы реальности? Возможно, именно он заставляет нас избегать радикальных вопросов о смысле жизни, вселенной и нашего места в ней, поскольку ответы на эти вопросы могут поставить под угрозу наше психическое равновесие и желание жить.

Представьте, что гипертрофированный инстинкт самосохранения — это не врожденное качество, а инструмент, культивируемый обществом для контроля над людьми. Все страхи — от опасности потерять работу до угрозы общественного порицания — искусственно поддерживаются, чтобы люди оставались послушными и предсказуемыми. Возможно, наше общество построено на том, чтобы раздувать инстинкт самосохранения до предела.

Парадоксально, но именно стремление к самосохранению может быть главным источником агрессии. Мы нападаем на других, чтобы защитить себя, свои ресурсы, своё будущее. Что, если бы люди могли отключить этот гипертрофированный инстинкт? Возможно, тогда не было бы нужды в завоеваниях, границах и конфликтах.

Что, если следующий этап эволюции человека — это отказ от гипертрофированного инстинкта самосохранения? Это может означать переход к жизни без страха, где люди больше не будут цепляться за выживание, а начнут стремиться к новым, более высоким целям, таким как познание вселенной и себя.

Стремление сохранить себя может мешать человеку отдавать себя полностью в отношениях, будь то любовь, дружба или родительство. Истинная любовь подразумевает самоотверженность, но гипертрофированный инстинкт самосохранения постоянно удерживает нас от полного погружения в другого человека, от страха быть раненым или отвергнутым.

Человечество всегда стремилось преодолеть природные ограничения — от космических путешествий до генной

инженерии. Может быть, настоящей кульминацией этого бунта станет сознательный отказ от гипертрофированного инстинкта самосохранения? Это был бы радикальный вызов самой сути нашей биологической природы, превращающий человека в существо, которое живёт по своим собственным законам.

Может быть, наш инстинкт самосохранения — это просто способ справиться с ужасом перед хаосом и непредсказуемостью вселенной? Человеку свойственно искать безопасность и стабильность, но что, если на самом деле никакой стабильности не существует, и наш инстинкт самосохранения — это лишь попытка скрыть от себя эту истину?

Большинство наших внутренних конфликтов, страхов и даже психических расстройств — это результат избыточного действия инстинкта самосохранения? Мы боимся выйти за пределы привычного, потому что наш разум постоянно сигнализирует нам о потенциальной опасности, даже когда её нет. Возможно, обуздание этого инстинкта позволило бы избавиться от множества мнимых ограничений и тревог.

Инстинкт самосохранения заставляет людей приспособливаться, подстраиваться под социальные нормы и избегать рисков. Это приводит к тому, что большинство из нас скрывает свои истинные желания и мысли, чтобы избежать осуждения и отвержения. Возможно, отказ от этого гипертрофированного инстинкта⁴ привёл бы к обществу, где люди могли бы быть по-настоящему искренними и свободными.

⁴ Gielavien, M. (2024). Hypertrophied instinct for self-preservation as a cause of conflict and aggression. *The Common Sense World*.

Если смерть неизбежна, то почему мы её так боимся? Возможно, инстинкт самосохранения сам по себе — это тюрьма, в которой человек вынужден страдать всю жизнь, лишь бы избежать неизбежного конца. Смерть можно рассматривать как акт окончательного освобождения от этого инстинкта, позволив себе перестать цепляться за брренное существование.

Многие духовные практики, такие как медитация, аскетизм и экстремальные формы самоотречения, направлены на подавление инстинкта самосохранения. Это может означать, что духовное просветление недостижимо без преодоления страха за собственное существование. Настоящее просветление может заключаться в отказе от привязанности к жизни и принятию смерти.

С раннего детства нас учат бояться опасностей, стремиться к стабильности и избегать рисков. Инстинкт самосохранения превращается в социальный сценарий, по которому человек должен прожить свою жизнь, стремясь к «безопасному» и предсказуемому будущему. Что, если этот сценарий — всего лишь инструмент подавления человеческой воли к эксперименту, самовыражению и свободе?

Если бы люди могли отказаться от гипертрофированного инстинкта самосохранения, возможно, мы бы смогли достичь невероятных высот в науке, искусстве и обществе. Мы больше не боялись бы провалов, неудач или даже смерти, что позволило бы нам исследовать совершенно новые горизонты — как на земле, так и за её пределами.

Если рассматривать инстинкт самосохранения как насилие над свободой, то отказ от него — это акт

революции против самой природы. Возможно, человечество однажды достигнет такой степени технологического и интеллектуального развития, что сможет сознательно выбирать смерть как акт противостояния биологической детерминированности.

Инстинкт самосохранения заставляет нас избегать риска, что ведёт к поиску комфортной, но бессмысленной жизни. Возможно, истинный смысл жизни заключается не в её сохранении, а в стремлении к тому, что выходит за её пределы.

В конечном счёте, инстинкт самосохранения остаётся двойственным: он и охраняет нас, и ограничивает нас, не давая по-настоящему испытать свободу и полноту бытия, вынуждая нас бесконечно искать безопасность там, где опасности не существует.